

Е.С.Острирова, А.В.Табарев

Молчание опустевших гробниц: древние культуры Западной Мексики

История открытия и исследований

Статья посвящена истории открытия и исследований одного из наиболее загадочных культурных феноменов на территории доколумбовой Западной Мексики — традиции шахтных гробниц (III в. до н.э. — IV в. н.э.), которую отличают сложные погребальные конструкции и неповторимый стиль керамической скульптуры.

Ключевые слова: доколумбова Америка, Мексика, шахтные гробницы, керамическая скульптура.

Определенный прогресс, наметившийся в отечественной американистике в последние годы, связан как с успехами изучения традиционных направлений (таких, как майянистика), так и с расширением географии и хронологического диапазона исследуемых доколумбовых культур (Месоамерика, Центральная Америка, Южная Америка). Отрадно, что российские фонды все чаще оказывают финансовую поддержку ученым, занимающимся этой тематикой. Данная статья подготовлена в рамках проекта «Время великих вождей и каменных гробниц»¹ и посвящена истории исследований одного из наиболее загадочных культурных феноменов на территории Западной Мексики (см. карту) — традиции шахтных погребений (shaft-tombs, tumbas de tiro). Эта традиция появляется в формативный период развития месоамериканской цивилизации (рубеж нашей эры) параллельно культуре тлатилько в Центральной Мексике, раннемайаским центрам полуострова Юкатан и культуре сапотек в долине Оахака. Основным источником информации о культуре региона (территория современных штатов Халис-

---

¹ Елена Сергеевна Острирова — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра палеоискусства Института археологии РАН (esostrirova@gmail.com); Андрей Владимирович Табарев — доктор исторических наук, заведующий сектором зарубежной археологии Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (olmec@yandex.ru).

Западная Мексика. Штаты: 1 — Найярит; 2 — Халиско; 3 — Колима

ко, Колима, Найярит) служат погребальные комплексы, большинство из которых были разграблены, а немногочисленные поселенческие объекты открыты сравнительно недавно. В постклассический период развития западномексиканской культурной традиции прослеживается влияние государства тарасков XIV—XVI вв. (штат Мичоакан). Название происходит от основного элемента конструкции гробниц — вертикального хода (шахты) глубиной от 3 до 20 м с одной или несколькими горизонтальными погребальными камерами (обычно 4x4 м). На сегодняшний день большинство специалистов датируют традицию шахтных погребений в рамках III в. до н.э. — IV в. н.э. В погребениях был обнаружен исключительно богатый инвентарь, состоящий из изящных сосудов, фигуративной керамики, мелкой пластики, изделий из жадеита и нефрита. Керамическая скульптура, яркая, необычная, реализованная во множестве стилей и форм, является визитной карточкой этой традиции и позволяет ставить ее в один ряд с такими феноменами, как антропоморфная пластика культуры дзёмон (Японский архипелаг) и неолита Передней Азии.

С другой стороны, с самого начала систематического изучения традиции шахтных погребений археологи столкнулись с серьезной проблемой — практически все погребения были варварски раскопаны и разграблены (нетронутые комплексы крайне редки, первый был найден лишь в 1993 г.). Это сильно осложняет реконструкцию погребальных сооружений, определение хронологии, происхождения данной традиции, а также ее связи с соседними культурами и т.д.

Становление и институализация месоамериканской археологии, а точнее ее североамериканской и мексиканской школ, большинство исследователей относят к первой половине XX в. Этот процесс был связан с учреж-

дением международной Школы американской археологии и этнологии в Мехико (1911 г.), Школы американских исследований в Санта-Фе (1912 г.) и Мексиканского антропологического общества (1937 г.).

Первоначальной задачей этих организаций было осуществление проектов, способствовавших упорядочению многочисленных и противоречивых сведений о доиспанской истории Мексики (термин «Месоамерика» был введен в 1949 г.)². Следует подчеркнуть, что мексиканские археологические исследования, а также крупные проекты под эгидой университетов США и Канады наиболее активно развивались в тех регионах, где еще в колониальный период были обнаружены памятники высоких цивилизаций — прежде всего в зоне майя и в Центральной Мексике — тогда как другие районы долгое время оставались вне зоны интенсивных археологических работ. Так, например, во многих обобщающих публикациях по доколумбовой истории Месоамерики можно прочесть о том, что Западная Мексика (территории современных штатов Найярит, Халиско и Колима) для археологов и антропологов практически до середины XX в. являлась настоящей *terra incognita*, а сведения о доклассическом (формативном) периоде этого района были крайне противоречивы. Это справедливо лишь отчасти. В научной литературе 1900—1930-х годов существует целый пласт интересных публикаций (статей, книг, каталогов выставок) европейских, североамериканских и мексиканских авторов, повествующих об археологических древностях Западной Мексики.

ДРЕВНОСТИ ЗАПАДНОЙ МЕКСИКИ: НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИЗУЧЕНИЯ

Одними из первых в этом ряду следует назвать имена норвежского исследователя Карла Софуса Люмхольца (1851—1922 гг.), а также английской художницы Аделы Кэтрин Бретон (1849—1923 гг.). К. Люмхольц совершил целую серию научных путешествий в различные районы Мексики. Во время своей третьей экспедиции (март 1894 — март 1897 гг.) он побывал в штатах Дуранго, Найярит, Халиско и Мичоакан. Именно ему принадлежат первые описания массовых грабительских раскопок шахтных гробниц в районе Иштлан дель Рио и зарисовки керамических фигурок из погребений. Люмхольц, за неимением других данных по региону, отнес их к культуре тарасков (XIV—XVI вв. н.э.). Эти сюжеты вошли в двухтомник под названием «Неизвестная Мексика», вышедший в 1902 г., сначала на английском, а затем и испанском языках³. Приведем лишь две любопытные цитаты о находках в штате Найярит из этого фундаментального труда:

«...По моим сведениям, в окрестностях Тепик нет археологических памятников особой важности, хотя в большом количестве встречаются курганы, и при вспашке постоянно попадаются замечательные фигурки из обожженной глины, раскрашенные и отполированные. Поскольку истинная ценность этих «обезьянок» (наиболее популярное название для идолов и фигурок) игнорируется, их отдают в качестве игрушек детям. Некоторые хранят их из любопытства, как забавные вещицы; другие верят, что фигурки приносят здоровье и удачу, а их продажа может повлечь несчастья, и категорически отказываются с ними расставаться...»⁴. И далее о древностях в окрестностях г. Иштлан, которые: *«...исключительно богаты*

курганами. По словам местного священника, который проявляет активный интерес к археологии, их тут тысячи... Он даже сопроводил меня, нанял людей для раскопок... Мы остановили свой выбор на плоском участке, буквально усеянном курганами, в основном, круглой формы... Курган, который мы раскапывали, был высотой 16 футов и 48 футов в диаметре... Внутри него находилось четыре камеры, примерно равного размера, разделенных стенками из камней и глины...»⁵. Люмхольцу посчастливилось приобрести несколько десятков керамических фигурок и сосудов, найденных в кургане, а также в соседних районах (Рис.1).

К.Люмхольц во время путешествия в Западной Мексике

Примерно в это же время (1895—1896 гг.) поездку по штатам Мичоакан и Халиско совершала английская путешественница и художник-археолог Адела Кэтрин Бретон. Она, в свою очередь, опубликовала несколько статей, в которых описывается погребальный инвентарь (20 больших керамических скульптур, обсидиановые орудия, украшения из раковин) из шахтной гробницы в районе асьенды Гваделупе (Халиско) и даже приводится рисунок раскопок этой гробницы (Рис.2).

Вот любопытная цитата из ее доклада на XVII Конгрессе американистов в Нью-Йорке в 1902 г.: «...*Теучитлан* — небольшой городок у подножия вулкана, в пяти лигах от Рефуджио, железнодорожной станции на пути из Гвадалахары в Амеко... Помимо обсидиана там есть интересный древний памятник на вершине холма, а также курганы и круги ...». И далее по тексту — про большое количество обработанного обсидиана «...в *Теучитлане* и особенно в кургане в Гваделупе недалеко от *Итцатлана*...»⁶.

В последующие годы эффектные керамические изделия из шахтных погребений регулярно появляются в европейских (Германия, Австрия, Франция) музейных каталогах⁷, обобщающих работах по археологии Западной Мексики⁸ и искусству доколумбовой Америки⁹.

С завершением строительства железнодорожной ветки на тихоокеанском побережье Западной Мексики в 1927 г. в эти районы резко увеличился поток туристов и, соответственно, активизировалась торговля археологическими древностями и сувенирами. Начинается также и работа археологических экспедиций. Так, в 1930 г. Калифорнийский университет (США) организовал экспедицию под руководством Карла Сойера и Дональда Брэнда на территории штата Синалоа¹⁰.

В 1932 г. появилась публикация немецкого археолога Ханса Диссельхоффа о гробницах в штате Колима¹¹. Это была первая работа, основанная на полевых исследованиях, снабженная картой распространения археологических памятников, с детальным описанием гробниц и предварительной типологией их конструкций (4 основных формы).

Рис. 1. Керамические фигурки из шахтных гробниц в штате Найрит. Зарисовки К.Люмхольца

Неудивительно, что еще в 1930-е годы западномексиканская фигуративная керамика привлекла пристальное внимание коллекционеров по всему миру. В Мексике одними из самых известных любителей древностей были такие знаменитые личности, как супруги-художники Диего Ривера и Фрида Кало. На одном из своих автопортретов Ф.Кало даже изобразила керамическую фигурку из шахтной гробницы. Интерес ценителей доиспанского искусства, подогревавший энтузиазм грабителей, лишь затруднял научное изучение региона и анализ объектов материальной культуры из-за отсутствия данных о контексте находок. Диего Ривера, однако, живо интересовался научными изысканиями в Западной Мексике и многое сделал для развития искусствоведческих исследований. В 1946 г. его коллекция керамики была представлена в экспозиции Дворца изящных искусств в Мехико в рамках IV «круглого стола» Мексиканского антропологического общества¹².

ЭПОХА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ: ПРОЕКТЫ, ПРОБЛЕМАТИКА, ДИСКУССИИ

Вышеупомянутый «круглый стол» был исключительно важной вехой в истории археологии Западной Мексики и идентификации традиции шахт-

ных могил. В ходе его работы американский археолог Изабелл Келли выделила керамические традиции северо-запада Мексики (14 традиций), а испано-мексиканский археолог Педро Армильяс предложил разделить обширный регион северо-запада на культурные провинции¹³.

Именно И.Келли и П.Армильяс стояли у истоков изучения культур Западной Мексики, во многом благодаря им сложилась особая система исследований, базировавшаяся на работах антропологов и археологов культурно-исторической и неозволюционистской школ США. Келли была ученицей американского антрополога Альфреда Кребера и американского географа Карла Сойера, выпускницей Калифорнийского университета. Первый ее археологический проект начался еще в 1932 г., а в 1939 г. она переехала в Халиско,

чтобы заниматься антропологическими и археологическими исследованиями. В период с 1939 по 1985 г. (до самой ее смерти) Келли опубликовала материалы, касавшиеся как проблем изучения доклассического периода регионов Халиско и Колима, так и истории государства тарасков и ацтекского влияния в Западной Мексике. В основном она работала с подъемными керамическими материалами и коллекциями из Найярита, Халиско, и Колима, посетив, по самым скромным оценкам, более 200 памятников¹⁴. Келли одной из первых привлекла внимание исследователей к проблеме идентификации шахтных погребений, так как вплоть до 40-х годов XX в. практически все археологические материалы, происходящие из этого региона, идентифицировались с тарасками.

Мексиканская администрация долгое время не уделяла региону особого внимания и тем более не спонсировала работы по изучению и сохранению памятников. Ситуация начала меняться в начале 50-х годов в связи со строительством трассы, соединившей Гвадалахару, второй по численности город Мексики, и штат Аризона (США). С одной стороны, строительство побудило местное правительство контролировать найденные в процессе работ артефакты, а с другой — после открытия магистрали регион Западной Мексики стало посещать все большее количество туристов и любителей древностей. В те же годы региональное отделение Департамента антропологии в штате Найярит, региональный музей в Гвадалахаре, а затем и Управление археологическими памятниками в Западной и Северо-Западной Мексике возглавлял мексиканский археолог Хосе Корона Нуньес. Именно он в 1955 г. в ходе раскопок на памятнике Эль-Ареналь в центральном Халиско открыл одну из самых известных шахтных могил. Глубина погребения составляла 18 м (на сегодняшний день самым глубоким из шахтных погребений считается погребение Сан-Хуан-де-лос-Аркос

А.Бретон в Мексике

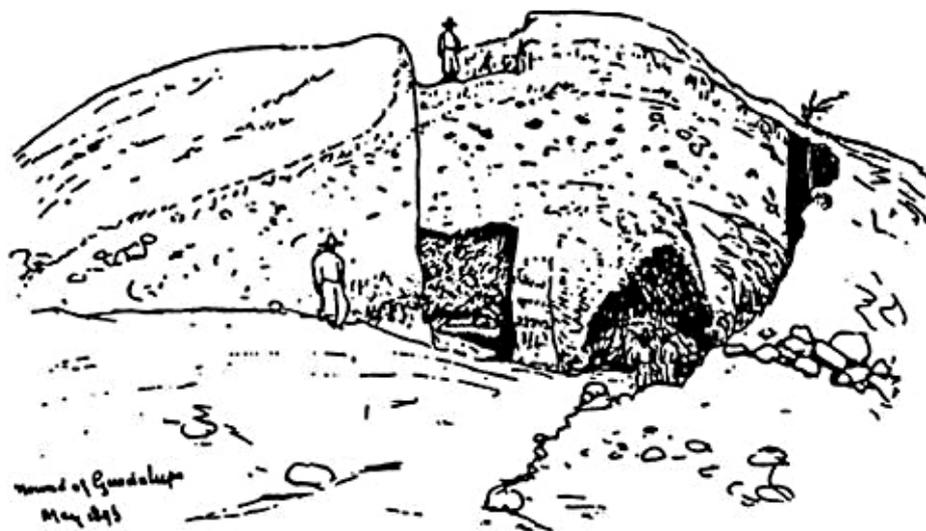

Рис. 2. Курган в Гваделупе, Халиско, май 1895 г. Зарисовка А.Бретон

(20-22 м) близ Гвадалахары). Могила была разграблена, однако в трех камерах археологи обнаружили частично сохранившиеся костные останки и черепа, расположенные по направлению к выходу из камер.

В дальнейшем именно обнаружение шахтной могилы в Эль-Ареналь стало толчком для изучения окрестностей вулкана Текила к западу от города Гвадалахара и долины Лагуна-де-Магдалена. Работы на памятнике Эль-Ареналь и его окрестностях в 1963—1964 гг. продолжил американец Стенли Лонг из Калифорнийского университета в рамках археологического проекта в регионе Этсатлан. Вместе с коллегами Клементом Мейганом, Генри Ничольсоном и Майклом Глассо Лонг проводил разведку и сравнительно небольшие раскопки, собирал подъемный материал. За два полевых сезона его команда протестировала памятники Уистла, Анона, Сан-Маркос и Лас-Куэваса, а также обследовала недавно разграбленную могилу в Сан-Себастьян. Как и многие другие археологи, Лонг собирал сведения о поступлении древностей из Западной Мексики на черный рынок, искал тех, кто вскрывал могилы и мог сообщить любую информацию о погребениях. В некоторых особо «удачных» случаях археологам удавалось получить снимки, сделанные «черными копателями»¹⁵. Результаты своих исследований Лонг представил в 1966 г. в диссертации, в том же году вышла статья «Хронология шахтных погребений Западной Мексики»¹⁶. В этом же году Лонг трагически погиб во время экспедиции в Колумбии, утонув в реке.

В своей работе Лонг одним из первых использовал данные радиоуглеродного датирования и отнес шахтные могилы в Сан-Себастьян и Лас-Куэваса ко времени не позднее 400—500 гг. н.э.¹⁷, а поселение с шахтными могилами Сан-Маркос к еще более раннему периоду — 100 г. до н.э. — 200 г. н.э.¹⁸. Кроме того, Лонг одним из первых предположил, что эти погребения были некрополями с разновременными подзахоронениями.

Огромный интерес представляет коллекция керамики, собранная Лонгом и Глассо и хранящаяся в фондах Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе. Лишь спустя 50 лет она была проанализирована группой исследователей под руководством Фила Вейганда и Роджера Нэнси, а результаты опубликованы в сборнике статей¹⁹.

В конце 60-х годов в Мексике, как и в большинстве стран Латинской Америки, археологические исследования интенсифицировались. Достижения «поселенческой археологии» — направления, в рамках которого памятники целого географического района подвергались сплошному обследованию и картографированию²⁰ — не обошли и Западную Мексику.

Уже упомянутый археолог Педро Армильяс, выделивший в 1946 г. археологические субрегионы северо-запада Месоамерики, одним из первых указал на необходимость сбора данных о разграбленных шахтовых могилах, изучения ландшафта и разведки наземных конструкций. Уже в 60-е годы в ходе региональных исследований в Ла-Кемаде и Халиско, проводимых Армильясом и Кренфордом, стала очевидной необходимость применения методов поселенческой археологии. В дальнейшем именно региональные проекты учеников и соратников Армильяса принесли наиболее значимые результаты в изучении культур Западной Мексики и их роли в истории Месоамерики.

Самым крупным и известным поселенческим проектом стало археологическое изучение поселений формативного и раннеклассического периодов в регионе Теучитлан и Этсатлан (под руководством Ф.Вейганда и Кристофера Бикмана — Мичоаканский колледж). Ф.Вейганд работал в команде Педро Армильяса и Чарльза Кейли в 1960-е годы., а в 1969 г. стартовал его собственный проект, целью которого было изучение культурного ландшафта и поселенческих структур в регионе Теучитлана (долины к югу от вулкана Текила). Первоначально Вейнганд и его команда обратились к уже известным памятникам с разграбленными погребениями — поселение Эль-Ареналь, Ауалулко, где он обнаружил насыпные круглые в плане платформенные формы. В 1970—1971 гг. в ходе полевых сезонов были проведены картографирование местности и аэрофотосъемка окрестностей Теучитлана, благодаря которым задокументированы и другие монументальные сооружения на памятниках с шахтными могилами.

В конце 60-х годов в муниципалитете Хакона, на северо-западе штата Мичоакан был открыт памятник Эль-Опеньо, датированный археологом Хосе Артуро Оливеросом ранним формативным периодом (1500—1200 гг. до н.э.). Данные шахтные погребения (12 погребальных камер с лестницами в шахтных тоннелях) считаются древнейшими в Западной Мексике²¹.

В 1970 г. Келли выделила на основе материалов из своих раскопок на побережье штата Колима культуру Капача. Керамика, предметы мелкой пластики и сами шахтные погребения, отнесенные Келли к данной археологической культуре, были датированы ранней и средней фазами формативного периода, т.е. тем же периодом, что и шахтные погребения Эль-Опеньо²². Келли в своих работах проводила параллели между мексиканской культурой Капача и эквадорской культурой Мачалилья²³. В дальнейшем исследователи еще не раз будут обращаться к проблеме вероятных культурных контактов между Северными Андами и Западной Мексикой, однако в более поздних работах, посвященных находкам Келли, ее гипоте-

Ф.Кало. Автопортрет с маленькой обезьянкой, 1945 г.

за оспаривается: археолог Джозеф Маунтджой считает более вероятным родство Капача и Тлатилько (центральная Мексика)²⁴.

В 70-е годы археологи открыли 40 крупных памятников, где шахтным могилам сопутствовали монументальные конструкции полусферической формы — круглые в плане ступенчатые пирамиды, напоминающих пирамиду в Куикуилько (Центральная Мексика). Всего же к концу 80-х годов было зарегистрировано 2200 археологических памятников, большинство из которых относятся к исследуемой традиции. Центральным памятником является поселение Гуачимонтон, где еще в 60-е годы найдена мастерская по обработке обсидиана, а с 1996 г. начались крупномасштабные раскопки пирамидальных комплексов, центральной пирамиды, площадей и двух кортов для игры в мяч (Рис.3).

В 2004 г. Гуачимонтон вошел в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Практически на всех крупных памятниках проекта Теучитлан зафиксированы шахтные погребения (разграбленные), но уже в самом начале реализации проекта стало ясно, что без изучения поселенческих структур, динамики населения, развития технологии, путей обмена с соседними регионами и пр. невозможно приблизиться к пониманию культурных процессов²⁵.

Термин «Теучитланская культурная традиция», принятый в современной историографии, введен в научный оборот Вейгандом в 1985 г. В дальнейшем определение уточнялось в более поздних работах Вейганда и Бикмана. Однако стоит отметить, что в последние годы исследователи не отделяют традицию шахтных погребений от традиции Теучитлан, полагая, что рассматриваемая погребальная практика была распространена в центральном Халиско и в сопредельных районах в период раннего развития и расцвета (200/100 г. до н.э. — 400/500 г. н.э.)²⁶.

Основными признаками Теучитланской традиции считаются 4-уровневая поселенческая иерархия, круглые пирамидальные постройки и шахтные элитарные погребения²⁷. Особо стоит отметить, что в современной археологической литературе нет четкого определения шахтных могил, и подчас под эту категорию попадают погребения с подбоем (боковой камерой), где тоннель не достигает 3 м в глубину²⁸. В таком случае употребляется обобщающий термин «shaft-and-chamber tombs», однако накопленный за последние 10—15 лет материал демонстрирует наличие различных вариантов подземных погребальных конструкций и, вероятно, производных от данной культурной традиции²⁹. По мнению Вейганда, при опреде-

Рис. 3. Памятник Гуачимонгон, Халиско, центральная часть комплекса

лении типа погребения как шахтного следует, прежде всего, учитывать глубину тоннеля (от 3 до 20 м)³⁰.

Итоги многолетних исследований Теучитланской традиции и шахтовых погребений были представлены в 2004 г. на XIX ежегодном собрании Ассоциации американских археологов и в коллективной монографии «Теучитланская традиция»³¹. В 2011 г. Фил Вейганд скончался, и проект изучения поселенческой археологии и становления сложных обществ в регионе Лагуна-де-Магдалена продолжает его коллега Кристофер Бикман.

С проектом «Теучитлан» связаны практически все синхронные или более поздние исследования в регионах Халиско, Найярит и Колима. Благодаря сотрудничеству Вейганда с археологом Джейми Литваком из мексиканского Национального автономного университета в раскопах долины Текила участвовали многие мексиканские археологи, в том числе Хавьер Галван, в дальнейшем возглавивший проект регионального исследования долины Атемахак. В 70-е годы с Вейгандом работал Дж. Маунтджой, исследовавший вместе с мексиканскими учеными прибрежные долины в штате Колима (проект в Долине Бандерас и др.).

Результаты поселенческого проекта Национального института антропологии и истории в долине Атемахак (70-е годы) были опубликованы лишь в 1991 г. Они не были широко освещены во многом потому, что в исследуемом регионе не найдены крупные шахтные погребения с богатым инвентарем, хотя при раскопках на кладбище в Табачинес среди 25 погребений были вскрыты нетронутые³². Памятник Табачинес (датирован 300 г. до н.э. — 550 г. н.э.) находится близ Эль-Грильо — городища с монументальной архитектурой, одного из крупнейших памятников Теучитланской традиции. Всего раскопано 25 могил с тоннелем глубиной от 1,25 до 3 м, из них 9 — вероятно, детских погребений. Костные останки сохранились лишь частично, инвентарь небогатый, что, безусловно, ставит под сомнение правомерность использования в данном случае термина «шахтная могила». Кроме того, среди найденных костяков не идентифицированы муж-

Рис. 4. Погребение Уицилапа, Халиско, северная камера

Всего в раскопанных камерах открыто 5 костяков: центральным считается костяк N 1 из северной камеры — мужчина примерно 45 лет с врожденной деформацией шейных позвонков. Его тело украшали браслеты, бусы из жадеита и раковин, ушные и носовые вставки, одежда была расшита сотнями бусин из жадеита и раковин. Огромный интерес представляет использование в погребальном культе больших раковин — вокруг тела покойного и на нем. С точки зрения исследователей раковины имели особую ценность и свидетельствовали о высоком социально-политическом статусе погребенного, поэтому в литературе это погребение часто именуется вождемским. Рядом с «вождем» захоронены мужчина 30—40 лет и женщина старшего возраста — примерно 50 лет. В южной камере были обнаружены еще три тела: мужчина примерно 40 лет, женщина 30—40 лет и молодой мужчина 16—20 лет³⁵. Тела всех погребенных богато украшены, однако отмечается гендерная специфика: мужской инвентарь гораздо богаче, чем женский.

Таким образом, в археологическом изучении традиции шахтных погребений на территории Западной Мексики гораздо больше вопросов, чем ответов. Каковы (местные или внешние) истоки этой традиции? Какова технология сооружения гробниц, и каков смысл их различных модификаций? Предназначались ли они исключительно для племенной элиты или служили средством культурной идентификации? Опустевшие гробницы хранят молчание...

Наиболее разработанным направлением можно считать анализ художественных особенностей керамической скульптуры. В 1960—1970-х годах появился целый ряд обзорных работ, в которых рассматривались как музейные и частные коллекции, так и материалы немногочисленных раскопок (подъемный материал или те предметы, которые находили уже в разграбленных могилах). Это, прежде всего, исследования американского антрополога Питера Ферста, где иконография фигуративных антропоморфных сосудов и пластики интерпретировалась с привлечением данных этнографии³⁶; мо-

ские, и в инвентаре преобладают метатес (камни для растирания и перемалывания зерен). Женских украшений было найдено мало, поэтому речь не идет об элитарных погребениях³³.

В 1993 г. в мексиканской археологии произошло эпохальное открытие: недалеко от озера Магдалена в регионе Теучитлан при раскопках памятника Уицилапа археологи Лоренса Лопес и Хорхе Рамос обнаружили нетронутое погребение. Шахта глубиной 8 м находилась под платформенной насыпью на западной площади городища. С двух сторон от шахты располагались боковые камеры, где найдено более 60 тыс. предметов погребального культа (Рис.4)³⁴.

нография крупного специалиста по искусству доколумбовой Америки Хасо фон Виннинга, посвященная классификации объектов погребального культа из шахтных гробниц³⁷, и другие работы, в которых устанавливалась и уточнялась относительная хронология бытования традиции шахтных погребений, исходя из анализа керамики и других данных³⁸. Все эти исследования в основном спонсировались североамериканскими научными и образовательными учреждениями (Калифорнийский университет, Чикагский университет).

Изысканность и удивительная экспрессивность западномексиканской керамики продолжает привлекать внимание самого широкого круга специалистов, и во многом именно выставки произведений искусства подогревали интерес к археологии этого региона. Одна из крупнейших выставок была организована в 1998 г. Институтом искусств Чикаго и представлена в Чикаго и Лос-Анджелесе. Символично название этой выставки — «Древняя Западная Мексика: искусство неизвестного прошлого». Оно очень точно характеризует то положение, которое даже в конце XX в. занимали древние культуры Халиско, Найярита и Колима в месоамериканской парадигме.

Для исследователей исключительный интерес представляет возможность на основе новейших археологических данных еще раз проанализировать гипотезу о характере сходств в конструкции шахтных гробниц и фигуративной пластики и предположительных культурных контактах Западной Мексики и Южной Америки, на территории которой также имеются погребальные сооружения, датируемые рубежом эр (прибрежные районы Колумбии и Эквадора).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Проект реализуется при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-01-00018 «Время великих вождей и каменных гробниц: древние культуры тихоокеанского бассейна на рубеже эр».

² В.И.Гуляев. История мезоамериканской археологии. М., 2010, с. 73.

³ C. L u m h o l t z. Unknown Mexico. 2 Vols. New York, 1902; El México Desconocido. 2 Vols. [Nueva York, C. Scribner's sons](#), 1904.

⁴ Ibid., p. 292.

⁵ Ibid., p. 304—306.

⁶ A. B r e t o n. Some Obsidian Workings in Mexico. — Transactions of 13th International Congress of Americanists. New York, 1902, p.267—268.

⁷ H. K u n i k e. Musikinstrumente aus dem alten Michoacan. — Baessler-Archiv, 1912, p. 282—284. Хьюго Кунике (1887—1949 гг.) — немецкий американист, этнолог, лингвист.

⁸ M.G a l i n d o. Geografía arqueológica del estado de Colima. Colima, 1925. Мигель Галиндо Веласко (1883—1942 гг.) — мексиканский врач и писатель, автор книг по истории штата Колима.

⁹ A.B a s l e r, E.B r u m m e r. L'Art précolombien. Paris, 1928, p.63. Адольф Баслер (1878—1949 гг.) — историк искусства, Эрнст Брюммер (1891—1964 гг.) — представитель известной семьи коллекционеров.

¹⁰ C.S a u e r, D.B r a n d. Aztatlán: Prehistoric Mexican frontier of the Pacific Coast. — Ibero-Americana, I, 1932.

¹¹ H.D i s s e l h o f f. Note sur le résultat de quelques fouilles archéologiques faites à Colima (Mexique). — Revista del Instituto de Etnología de la Universidad Nacional de Tucumán, 1932, № 2, p. 525—537.

¹² B.B r a u n. West Mexican art and modernist artists. — Ancient West Mexico: Art and Archaeology of the Unknown Past. New York, 1998, p. 268

¹³ P.W e i g a n d, C. S. B e e k m a n n. Tradición Teuchitlán. Zamora, Mich., 2008.

- ¹⁴ C.F o w l e r, R.V a n K e m p e r. Isabel T. Kelly: A life in the field. — *Their Own Frontier: Women Intellectuals Re-visioning the American West*. University of Nebraska, 2008, p. 159—165.
- ¹⁵ J.M o n t j o y, M. S a n d f o r d. Burial practices during the late formative/early classic in the Banderas valley area of coastal West Mexico. — *Ancient Mesoamerica*, 2006, Vol.17, №2, p. 317.
- ¹⁶ S.L o n g. Archaeology of the Municipio of Etzatlan, Jalisco. Un. of Calif. Doctoral Dissertation, 1967; S.L o n g, R. E. T a y l o r. Chronology of West Mexican shaft-tomb. — *Nature*, 1966, 212, no. 5062, p. 651—652.
- ¹⁷ Correspondence Analyses and West Mexico Archaeology: Ceramics from the Long-Glassow Collection. University of New Mexico, 2013, p. 219.
- ¹⁸ S. L o n g. Op.cit.
- ¹⁹ Correspondence Analyses and West Mexico Archaeology: Ceramics from the Long-Glassow Collection, 2013.
- ²⁰ В.И.Г у л я е в. Указ. соч., с. 122—123.
- ²¹ J.A.O l i v e r o s M o r a l e s. Hacedores de tumbas en El Opeño, Michoacán. Zamora, 2004.
- ²² J.M o n t j o y. Capacha: Una cultura enigmática del Occidente de México. — *Arqueología Mexicana*, 1994, Vol. 2, No. 9, p. 39—42.
- ²³ I.K e l l y. Ceramic Sequence in Colima: Capacha, an Early Phase. — *Anthropological Papers of the University of Arizona*, No. 7. University of Arizona Press, Tucson, 1980.
- ²⁴ J.M o n t j o y. Capacha: Una cultura enigmática del Occidente de México. — *Arqueología Mexicana*, 1994, Vol. 2, No. 9, p. 42.
- ²⁵ P. W e i g a n d, C.S. B e e k m a n, The Tradición Teuchitlán Rise of a statelike society. — *Ancient West Mexico: Art and Archeology of the Unknown Past*. New York, 1998, p. 36—38.
- ²⁶ C.S.B e e k m a n. Recent Research in Western Mexican Archaeology. — *Journal of Archaeological Research*, 2010, Vol. 18, p. 41—109.
- ²⁷ C.S.B e e k m a n The chronological context of the central Jalisco shaft tombs. — *Ancient Mesoamerica*, 2006, Vol. 17, p. 231.
- ²⁸ C.S.B e e k m a n, L. G a l v á n. The shaft tombs of the Atemajac valley and their relation to settlement. — *Ancient Mesoamerica*, 2006, Vol. 17, p. 260.
- ²⁹ C.S.B e e k m a n. Recent Research in Western Mexican Archaeology, p. 67—68.
- ³⁰ M. F o s t e r, P. W e i g a n d (eds). The archaeology of West and Northwest Mesoamerica. Boulder, 1985, p.64— 66.
- ³¹ P.W e i g a n d, C.S. B e e k m a n n. Tradición Teuchitlán. Zamora, Mich., 2008.
- ³² L.G a l v a n. Las tumbas de tiro del valle de Atemajac, Jalisco. Instituto Nacional de Antropología e Historia. Mexico City, 1991.
- ³³ C.S.B e e k m a n, L. G a l v a n. Op. cit.
- ³⁴ L.L o p e z, J.R a m o s. Excavating the Tomb at Huitzilapa. — *Ancient West Mexico: Art and Archeology of the Unknown Past*. New York, 1998, p. 58—61.
- ³⁵ Ibid., p. 61.
- ³⁶ P.F u r s t. Shaft Tombs, Shell Trumpets and Shamanism: A Culture-Historical Approach. Ph.D. Dissertation, University of California, Los Angeles, 1966.
- ³⁷ H. V o n W i n n i n g. The shaft tomb figures of West Mexico. *Southwest Museum Papers*. No. 24. Los Angeles, 1974.
- ³⁸ I.K e l l y. Ceramic Sequence in Colima: Capacha, an Early Phase. — *Anthropological Papers of the University of Arizona*, No. 7. University of Arizona Press, Tucson, 1980; S.L o n g. Funerary objects from San Marcos, Jalisco, Mexico. — *Journal de la Société des Américanistes*. Tome 56, No. 2, 1967, p. 520—531; J.C.B e l t r a n M e d i n a, J.M o n t j o y. Anthropomorphic peg-based sculptures from the Banderas Valley of coastal west Mexico. — *Ancient Mesoamerica*. Vol 16, 2005, p. 155—168; C.S B e e k m a n. The chronological context of the Central Jalisco shaft tombs . — *Ancient Mesoamerica*, Vol. 17, 2006, p. 239—249.